

ТАТЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Читайте романы
Евгении Горской в серии
«Татьяна Устинова рекомендует»;*

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ
ВСЕ МЫ ТОЛЬКО ГОСТИ
ПОД ЗАЩИТОЙ ВЫСШИХ СИЛ
МОЙ ДОМ — ЧУЖАЯ КРЕПОСТЬ
ДАР ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ
СБЫВАЮТСЯ ДРУГИЕ МЕЧТЫ
ПРИЮТ МИРАЖЕЙ
КАРМА НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ
СИЛЬНЕЕ НЕЗЕМНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА
БЕЛАЯ НЕВЕСТА, ЧЕРНАЯ ВДОВА
СУДЬБУ СЛУЧАЙНО НЕ ВСТРЕЧАЮТ
НЕСПОСОБНОСТЬ ЛЮБИТЬ
ГРУЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Евения
Горская

НЕСПОСОБНОСТЬ
ЛЮБИТЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г70

Редактор серии *А. Антонова*

Горская, Евгения.

Г70 **Неспособность любить : [роман] / Евгения Горская. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-118561-9 (Столичный детектив)

ISBN 978-5-04-094448-4 (Татьяна Устинова рекомендует)

Когда обожаемый Кирилл выгнал ее из дома, Ника думала, что жизнь кончена. У них все было хорошо, и вдруг муж заявил, что любит другую. Прошло время, Ника научилась как-то жить без него. И тут пришло страшное известие — Кирилл убит! Его отравили вместе с другом Сашей, когда они встретились на даче отметить день рождения. Сложно сказать, кто несчастнее — мать Кирилла, потерявшая единственного сына, или жена Саши, ожидающая ребенка. Нике пришлось позаботиться о них, хотя она вовсе не собиралась ввязываться в это дело. Ей хотелось только одного — забыть все связанное с тем отрезком ее жизни, когда она была замужем. Но тайна гибели бывшего мужа и его друга не дает ей покоя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118561-9
ISBN 978-5-04-094448-4

© Горская Е., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2022

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты — и «Неспособность любить» очеред-

ное тому подтверждение. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В романе «Неспособность любить» она водит за нос, отвлекает, пускает нас — читателей — по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива — здесь в самый раз... всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Автор великолепно закручивает интригу, не перегружая книгу ненужными сложностями: история получилась достаточно простой, но вовсе не тривиальной. А потому пробираться через хитросплетения сюжета — сплошное удовольствие, я бы даже сказала, наслаждение.

И не найдется даже, дорогие и уважаемые читатели! Я не стану рассказывать вам, в чем там дело и «кто виноват»! Вы узнаете сами, прочитав новый, блестящий детектив Евгении Горской.

Как обычно, я немного вам завидую: я-то уже прочитала, и мне остается только ждать следующей книги...

Татьяна Устинова

18 февраля, суббота

За окном была серая муть. Данила посмотрел в щель между занавесками, снова закрыл глаза, но понял, что больше не заснет. Осторожно, стараясь не разбудить Улю, выбрался из постели, тихо прошел на кухню, закрыл дверь.

Жена любила поспать, а он любил жену и старался, чтобы ей всегда было хорошо. Сегодня ему хотелось, чтобы Уля встала попозже, утро обещало быть неприятным. Не поехать к Кирюхе на день рождения он не мог. Просто не мог, а Уля этого понимать не желала.

— Ну давай поедem вместе, — уговаривал он жену накануне.

Плестись куда-то за город Уле не хотелось, сидеть там с друзьями Данилы и слушать скучные мужские разговоры не хотелось тем более.

— Он мог устроить нормальный день рождения! — Уля едва не плакала, и Даниле было ее очень жалко. — Можно же в ресторан сходить!

Конечно, можно отлично посидеть в ресторане, но они уже лет пятнадцать в этот день собирались втроем у Кирилла на даче. Это давно стало ритуалом, и никто не собирался ритуал менять.

Ритуал появился, когда все они еще были не жена-ты, и остался, когда все обзавелись семьями. Забавно, но каждый пытался привести жену на эти ежегодные посиделки, и жены, все как одна, в следующий раз

даже не пытались навязываться. Не потому, что разговоры друзья вели какие-то особенные и не предназначенные для дамских ушей, они даже честно старались жен разговорами заинтересовать, но ничего из этого не получалось. Женщины скучали и не могли дожждаться, когда наконец вернутся домой.

Данила старался ничем не звякнуть, но Улю разбудил. Она появилась заспанная и такая несчастная, что на какой-то момент он решил от поездки отказаться.

— Уль, я побуду там часика три и вернусь, — заискивающе пообещал Данила.

Она молча пожала плечами — как знаешь.

— Чаю хочешь?

Она опять не ответила. Достала из холодильника сок, добавила кипятку и села напротив мужа, обняв стакан.

— Уля, ну не злись.

— Я не злюсь.

Вообще-то, день рождения у Кирилла был вчера. И Кирилл с Сашей отправились на дачу вчера вечером, а Данила задержался. Вчера он освободился только в десятом часу, друзья к этому времени уже давно должны были спать, поскольку уехали утром и спиртного повезли с собой много. В этот день у них было принято выпивать больше обычного. Да и оставлять Улю ночью одну Данила не хотел. Вот и перенес поездку на утро.

Данила не знал, как остальные, но сам он Кирюхиного дня рождения ждал. Это был единственный день, когда он отдыхал от работы, от мучительных мыслей о том, как не потерять бизнес, и даже от Ули.

Он жевал шашлык, который всегда удавался у Сашки, вспоминал, что ему только чуть за тридцать, что впереди еще вся жизнь, и начинал верить, что удача к нему обязательно придет. Иначе и быть не может.

— Ну почему нельзя пойти в ресторан? — опять начала Уля, подняв на него обиженные глаза.

Волосы у нее после сна были спутаны, и Даниле захотелось их пригладить. Ему было очень жалко жену.

— Не я же приятелей собираю, — в который раз объяснил он. — Кирилл привык отмечать день рождения на даче.

— Он холост, а ты женат!

Вообще-то, Кирюха тоже был женат. Развод с Никой он так и не оформил.

— Ульяша, я недолго.

Она обреченно отвернулась. Он законченный мерзавец, если способен так ее мучить.

Данила поцеловал жену и ретировался в комнату. Потертую старую куртку он приготовил заранее, Уля давно порывалась ее выбросить, а он непонятно зачем не давал. Куртке было лет десять, и надевал ее Данила один раз в году, на Кирюхин день рождения.

Вызвал такси, чтобы самому не садиться за руль, отказывать себе в выпивке он не собирался даже ради Ули. Быстро оделся, сунул в карман куртки бумажник, опять поцеловал жену и с облегчением захлопнул за собой дверь.

Машина еще не подошла, пришлось побродить вдоль дома. Раньше, выходя из подъезда, он останавливался, махал жене рукой. Уля стояла у окна и тоже ему махала. Но это было давно, года два назад. Потом такие прощания незаметно, сами собой прекратились.

А ведь это неправильно. Меньше любить жену с тех пор он не стал.

Желтая машина подъехала быстро, минут через пять. Данила сел рядом с водителем, пристегнулся. Такси он пользовался нечасто и машинально отметил, что водители в последнее время попадаются русские, мигрантов совсем не стало.

Слава богу, ему повезло с последним тендером, а то впору было хоть самому начинать извозом заниматься.

В машине тихо играла музыка, женский голос подвывал не то а-а, не то ля-ля.

— Не мешает? — спросил таксист, суровый мужик лет пятидесяти.

— Нет, — заверил Данила, запоздало на себя разозлившись. Музыка мешала.

Вечно он так, не умеет на своем настоять.

Машин на дорогах было немного, несколько раз притормозили у светофоров и выехали на трассу. Зима в этом году выдалась морозная и снежная, давно таких не было. Вдоль трассы белели высокие сугробы. Хорошо, если Кирилл с Сашкой рассчитали дорожку на участке, а то не пролезешь по снегу.

Фирма выполнит работу, полученную по последнему тендеру, и они с Улей поедут отдыхать: валяться у теплого моря и пить вино. А потом Данила будет думать о том, как быстро и качественно расширить фирму. Он будет много работать и много зарабатывать, и это будут честные деньги.

До сих пор он много работал, но много заработать не получалось. То есть имел он куда больше рабочих, которым платил, но не имел главного — уверенности в завтрашнем дне. Фирма в любой момент могла обанкротиться.

С последним тендером повезло, фирма выиграла заказ на ремонт четырехэтажного корпуса городской больницы. Работу нужно выполнить быстро и качественно, тогда при следующих тендерах у него появится хорошее преимущество.

Нормальные деньги можно зарабатывать только на госзаказах, с частного много не получишь. Тем

более сейчас, когда денег у населения становится все меньше.

С тендером вышло удачно. И откат был нормальный, не непосильный, десять процентов от суммы договора. Даже и не откат вовсе, просто благодарность за удачно проведенную сделку.

Это Данила воспринимал спокойно. Не он устанавливал правила, не ему и менять.

Машина свернула к дачному поселку, остановилась у ворот.

— Спасибо. — Данила рассчитался с водилой, вылез, открыл железную калитку.

Дороги в дачном поселке оказались расчищены. Похоже, трактором.

Идти было недалеко, Кирюхин дом стоял почти рядом с воротами.

Приятеля еще спали. Крыльцо покрывал ровный слой снега — дверь утром не открывали.

— Кирилл! — крикнул Данила, толкнув дверь. Она оказалась не заперта. — Кирилл!

Он потопал немного, стряхивая снег с ботинок, прошел через веранду. В доме было тепло, он на ходу расстегнул куртку.

Кирилл лежал на диване, а Саша в кресле.

Даниле понадобилось минут пять, чтобы понять, что друзья мертвы.

24 февраля, пятница

На мертвого Кирилла Ника старалась не смотреть. То, что лежало под цветами, не было ее бывшим мужем. Тот Кирилл был веселым, шумным, тот Кирилл странным образом притягивал всеобщее внимание и оказывался в центре любой компании. Она когда-то очень его любила.

Молодой строгий священник красивым баритоном произносил слова заупокойной службы. Затекала правая рука, Ника переложила свечу в левую.

Мамин звонок настиг ее за много тысяч километров от дома, на Дальнем Востоке. Фирма заканчивала работы по автоматизации электроподстанции. Никина часть работы была давно сделана и протестирована, и своим внезапным отъездом Ника никого не подводила.

Она ехала до Владивостока по изумительно красивым местам, потом много часов мучилась в неудобном кресле «Боинга» до Москвы, объясняла себе, что Кирилла больше нет, и не чувствовала почти ничего. Разве что жалость к свекрови.

Ника очень страдала, когда Кирилл ее бросил. Она цеплялась за соломинку, и даже то, что он не настаивал на немедленном разводе, казалось ей надеждой на то, что счастье когда-нибудь вернется. Ника думала, что страдания не кончатся никогда, но они прошли. В последний год она почти не вспоминала о бывшем муже, а когда вспоминала, воспоминания не приносили никакой боли. Только грусть.

Сейчас Ника не вернулась бы к Кириллу, если бы он ей это предложил. Она стала другой. Она стала умной и проницательной, научилась видеть людей насквозь. Как рентгеновский аппарат.

Служба закончилась, Ника загасила свечу, вслед за свекровью прикоснулась к бумажной полоске на лбу Кирилла. Свекровь качнулась, кто-то подхватил ее под руки.

Слезы подступили неожиданно. Они текли и текли, платок, который Ника достала из кармана пуховика, промок почти сразу. В автобусе по дороге к ресторану Ника порылась в сумке, достала другой платок, переложила в карман.

Она была чужой на этих похоронах. Мама не отходила от свекрови, а остальных Ника почти не знала. На поминках напротив нее сидел мрачный Данила рядом с грустной участливой девушкой. Женой, наверное. У обоих на пальцах были обручальные кольца, и они не отходили друг от друга.

Данилу Ника знала лучше остальных. Тогда он еще не был женат и иногда появлялся в их с Кириллом съемной квартире. Еще появлялся Саша, но Сашу схоронили вчера.

— Данила, нужно будет вызвать такси Елене Сергеевне, — беспокоилась Данилина жена.

— Конечно, — кивал Данила.

Такси вызвала бы и Ника, не бросила бы свекровь в пустом ресторане. Да и мама не оставляла Елену Сергеевну ни на минуту.

— Господи, как ее жалко! Данила, нужно обязательно ей звонить!

— Конечно.

На панихиде Ника видела Сашину жену Лизу, от нее не отходил высокий мужчина, сначала показавшийся Нике незнакомым. Лиза смотрела в одну точку замершим взглядом, мужчина страховал каждое ее движение. На поминках Ника Лизу не увидела.

— Как же это могло случиться? — тихо недоумевал кто-то в другом конце длинного стола. — Они же не бомжи! Они же не «Боярышник» пили!..

Данила налил ближайшим дамам водки, Ника выпила вместе со всеми.

— Вы жена Кирилла? — обратила на Нику внимание участливая супруга Данилы.

— Вдова, — хмуро поправил Данила.

— Да, — кивнула Ника.

— Меня зовут Ульяна.

Ника покивала — очень приятно.

Ульяна выскользнула из-за стола, подошла к матери Кирилла, что-то заговорила. Елена Сергеевна повернулась к ней, заплакала.

— Вот такие дела... — грустно протянул Данила.

Ника опять покивала.

— Менты с тобой разговаривали?

— Да.

Когда Ника позавчера приехала к свекрови, у нее были двое полицейских. Задали несколько вопросов и Нике, она ответила. Рассказывать ей было нечего, она не видела и не слышала мужа три последних года.

— Это я их нашел.

— Елена Сергеевна говорила.

Поднялась группа людей — коллеги Кирилла, попрощались. Остались только свои — Елена Сергеевна, Никины родители, сама Ника и Данила с женой. Еще был новый друг свекрови, симпатичный толстый дядька с тихим спокойным голосом. Про друга тихо шепнула мама уже на похоронах.

Ника пересела на два стула поближе к Елене Сергеевне.

Она и раньше видела свекровь редко, только на семейных праздниках. Кирилл к матери ездил чаще, но всегда по поводу. Что-то прибить, что-то починить. Еще ездил, когда у Елены Сергеевны появлялся новый друг. Друзей свекровь меняла примерно раз в полтора года, и Ника искренне недоумевала, где она их находит.

— Ты меня не забывай, Ника, — заплакала Елена Сергеевна. — Звони.

— Обязательно.

Они ни разу не разговаривали за последние три года, но теперь это не имело значения.

Наконец все потянулись к телефонам вызывать такси.

Ника думала, что все кончилось, а все только начиналось.

К вечеру заметно похолодало, мелкий снег сыпал прямо в лицо. Данила стоял возле приехавшей за ними машины и отворачивался от бьющих снежинок.

Уля никак не отходила от Ники. Ника уже приоткрыла дверь своего такси и тоже старалась увернуться от сыплющей в глаза крупы.

— Приходите к нам, — говорила Уля. — Приходите. Данила дружил с Кириллом, и нам надо дружить. Кириллу бы это понравилось.

Кириллу и живому было наплевать на Нику. Данила поморщился.

Наконец такси Ники отъехало. Уля зябко передернула плечами, нырнула в теплое нутро автомобиля, Данила залез следом.

— Она сидела как чужая, — осуждающе покачала головой Уля. Ника жене не понравилась. — Как будто не ее муж умер.

— Кирилл и Ника сто лет как разошлись, — напомнил Данила.

— Ну и что? Он ее муж! Я бы вообще умерла, если бы... Господи, что я такое несу? — Уля испугалась, прижала ладони к лицу. — Дан, я так тебя люблю!

— Я тебя тоже. — Объясняться в любви при водителе было неловко. Данила быстро наклонился к жене, поцеловал лоб под капюшоном шубки.

— И к Саше на похороны эта Ника не пришла! Лиза к Кириллу на похороны пришла, а Ника к Саше — нет. Она ведь знала Сашу, да?

— Знала, — подтвердил Данила. — И Лизу знала.

— Ну вот, видишь!

— Уль, они действительно давно расстались, Кирилл с Никой. Я о ней вообще и не вспомнил бы даже.

— Не хватало еще, чтобы ты о ней думал! — засмеялась Уля и быстро прижалась к плечу мужа. — И все-таки я не понимаю... Ну как они могли отравиться?

— Да никак, — объяснил Данила. — Убили их.

— Дан! — От негодования Уля от него отодвинулась. — Ну что ты несешь? Зачем кому-то убивать Кирилла? Он что, политик? Боевик?

Он терпеть не мог имени Дан. Когда-то просил Улю так его не называть, но она не слушала. Впрочем, это он жене прощал. И мог ей простить не только это.

Обсуждать в машине убийство было еще глупее, чем объясняться в любви.

— Не понимаю! Как ты думаешь, когда полиция точно скажет, отчего они умерли?

— Понятия не имею.

Такси наконец затормозило, Данила расплатился, выбрался из машины. Жена тоже выбралась, потопала ногами, потянула его к подъезду.

— Пойдем скорее! Холодно.

Даниле хотелось покурить, но он послушно поплелся следом.

Прихожая у них была маленькая, он терпеливо ждал, пока Уля повесит шубу на вешалку. Жена поправила рукава, ласково погладила легкий мех. Наконец захлопнула шкаф, пропустила Данилу.

— А Ника, она кто? — Это Уля спросила уже из ванной, она всегда мыла руки, приходя с улицы. Его тоже пыталась приучить, но не смогла.

— В каком смысле? — не понял он.

— Кем работает?

— А... Не знаю. По технике что-то. Она моложе Кирилла лет на пять. Когда они поженились, Ника еще студенткой была.

Женился Кирилл рано и неожиданно.

Они с Данилой жарили мясо у Кирилла на даче. Лето тогда было жаркое, парни отлично поплавали в пруду, который находился в пятнадцати минутах езды на велосипедах. «Я женюсь», — сказал Кирилл, обжигаясь обугленным с одного бока мясом. «Зачем? — не понял Данила и только потом поинтересовался: — На ком?» Постоянной девушки у Кирилла тогда не было. «Ты ее не знаешь», — ответил друг.

Нику он увидел через пару дней после этого разговора. Ника смотрела на Кирилла влюбленными глазами. В этом взгляде было что-то собачье, и Даниле стало жаль девчонку.

— Лизу очень жалко. — Уля вышла из ванной, прижалась к Даниле.

— Жалко, — подтвердил он.

И вчера, на Сашкиных похоронах, и сегодня на Лизу было страшно смотреть. В буквальном смысле страшно, Даниле казалось, что она прямо сейчас грохнется в обморок, и хотелось подхватить ее заранее, чтобы не расшиблась.

— Хорошо, что Федя от нее не отходит.

— Хорошо, — подтвердил Данила.

— И Елену Сергеевну жалко. — Уля включила чайник, открыла полку, задумалась. На ночь она пила какие-то специальные чаи и теперь выбирала, какой пакетик бросить в чашку.

— Жалко. — Он легко отодвинул Улю, достал початую бутылку водки, налил в рюмку.

— Данила!

— Одну рюмку, — успокоил он.

Он никогда не злоупотреблял выпивкой, и жена не была абсолютной трезвенницей, но отчего-то терпеть не могла, когда он прикасался к спиртному.

— А Федю ты хорошо знаешь?

— Плохо.

Уля наконец выбрала чай, залила пакетик кипятком, села в уголок стола.

Он никогда не называл Федора — Федей. И Кирилл с Сашкой не называли. Федор приходился Сашке двоюродным братом, пару раз в году они сталкивались у Сашки, когда родственники к нему приезжали.

— Саша стал врачом, потому что у него мама рано умерла? Он хотел помогать людям?

— Не знаю. Может быть.

Сашкина мама умерла, когда они учились в десятом классе. У Сашкиного отца давно была другая семья, и из жизни сына он выпал начисто. Правда, деньгами помогал. Жить с теткой Саша наотрез отказался, и существовал один в трехкомнатной квартире, пока не женился на Лизе.

А женился он, как только ему исполнилось восемнадцать. То есть Лизе исполнилось. Она моложе Сашки на два месяца.

— И все-таки я не понимаю... Неужели правда их специально отравили? Но за что Кирилла травить, а, Дан?

— Не знаю. — Данила сполоснул рюмку, поставил на место. — Пойдем спать, Уля.

— Пойдем.

Выключая свет, он неожиданно предположил:

— Убить хотели не обязательно Кирилла, возможно, Сашку, а Кириллу просто не повезло.

Повезло ему, Даниле.

Уля не ответила, прижалась к мужу, положив голову на грудь. Он притянул ее ближе, обнял.

Противно завыл ветер за окном. Интернет обещал похолодание, и, похоже, прогноз сбывался.

Лизу все время знобило. Она куталась в меховой жилет, стараясь укрыть ладони и локти, но согреться не получалось.

— Федор, ты поезжай, — попросила Лиза двоюродного Сашиного брата, когда он привез ее с похорон Кирилла. — Ты езжай, я посплю.

Уезжать Федору не хотелось. Он боялся оставить ее одну, как будто Лиза собиралась немедленно умереть вслед за мужем. Она бы, наверное, так и сделала, если бы у нее на этом свете не было исключительно важных дел. А такие дела были, и Саша не простит, если она их не сделает.

Самым главным было вырастить их будущего ребенка. Про ребенка еще никто не знал, кроме нее и Саши. Они и сами узнали о грядущем радостном событии совсем недавно, за неделю перед тем, как Саша вместе с Кириллом поехали на дачу.

— Мне холодно, — пожаловалась Лиза, наклонившись над большой Сашиной фотографией. Фотография была со вчерашних поминок, Лиза пристроила ее на письменном столе.

Мама уверяла, что фото с похорон хранить дома нельзя, оно принесет несчастье, но Лизе до грядущих несчастий дела не было. Самое плохое, что могло с ней произойти, уже произошло.

Лиза подвинула кресло, села, положив подбородок на сцепленные руки. Саша смотрел на нее ласково, и ей не хотелось уходить от фотографии.

— Федор ездил со мной Кирилла хоронить, — сказала она Саше. — Народу много было. А из наших только Ника и Данила с Улей.

Ника Лизе нравилась, а Сашин друг Кирилл — не очень. То есть совсем не нравился. «Да перестань ты! — морщился Саша, когда Лиза недовольно бурчала на очередную Кириллову выходку. — Манера у него та-

кая, придурка из себя строить. На самом деле он нормальный».

Совсем недавно «нормальный» Кирилл протягивал таксисту пяти тысячную купюру и разводил руками — других нету. Лиза немедленно полезла в кошелек за сотнями, а Кирилл, выбравшись из машины, объяснял ей, что таксист обязан иметь сдачу. А если не имеет — его проблемы. Лиза точно знала, что мелочь у Кирилла была, он при ней заглядывал в бумажник.

У Лизы каждая встреча с Кириллом оставляла противный осадок. «Не обращай внимания, — отмахивался Саша. — Он прикалывается».

— Светлана Анатольевна завтра уедет, — сказала портрету Лиза.

Сашина тетя, Светлана Анатольевна, приехала на похороны племянника из Израиля, Сашиному дяде сделали там операцию. Операция была тяжелая, полостная, задерживаться в Москве тетя не могла. Да и зачем? Помочь Лизе не мог никто, а быть рядом с мужем Светлане Анатольевне необходимо.

Зазвонил телефон, Лиза неохотно сняла трубку. Мама проверяла, как она там.

— Ничего, — сказала Лиза. — Ничего.

— Приезжай к нам, — опять заладила мама.

— Не надо, все в порядке, — завершила Лиза. — Я сейчас лягу.

Опять попытавшись закутаться в жилет, Лиза прошла на кухню. Не хотелось ни пить, ни есть, но она заставила себя поужинать бутербродом с колбасой. Будущего малыша надо хорошо кормить. «Завтра же начну нормально питаться», — пообещала себе Лиза.

Из кухни она опять вернулась к портрету. Посидела, глядя на Сашу, вздохнула:

— Пойду спать.